

НЕ ОТМЕНЯЕТСЯ...

Когда закончился этот необычный концерт, зрители окружили нас плотным кольцом. Каждый хотел бы дотронуться до детского человека, пожать руку, получить автограф. Нас обступил массовый восторг.

Министр в сфере культуры СССР в письме, которое было послано в адрес Пермского обкома КПСС, отметило, что «в особа тяжелых условиях: климатических и политических пермские артисты высоко проявили звание советского искусства». Для нас это высокая оценка.

БОЛЬШИМ экзаменом для нас стала гастрольная поездка в Австрию и Голландию. В полном составе (60 человек) пермская балетная труппа выехала в европейские турне. Мы отправились в те страны, которые восхитились искусством Ленинградского театра оперы и балета имени С. М. Кирова, Большого театра, лучших балетных трупп мира. Меньше чем за месяц мы показали 15 раз балет «Лебединое озеро» и несколько концертных программ. Около 50 тысяч зрителей побывало на наших выступлениях.

Особенно памятно участие в Брегенцком музыкальном фестивале. Он назван так по имени маленького городка Брегенца — столицы австрийской провинции Форарльберг. Исключительное географическое расположение Брегенца на берегу Боденского озера очень удобно для туристов — до границы со Швейцарией, ФРГ и Лихтенштейном рукой подать. Советские артисты впервые

участвовали в Брегенцком фестивале. Газеты даже писали, что «Брегенц в ближайшие русские руки». С большим успехом выступили советские скрипачи А. Козин и В. Калмоу, певец Ю. Мазурок, ансамбль скрипачей Большого театра... Хореографическое искусство было представлено нашей труппой. В фестивале участвовали многие прославленные творческие коллективы Западного мисийского театра «Ла Скала», Венский симфонический оркестр под управлением Герберта фон Карозина, западногерманский балет. Некоторые выступления проходили в помещении местного драматического театра, но основные — на самой большой по площади и удивительной сцене, которая построена на воде Боденского озера в нескольких метрах от берега, по которому амфитеатром расположено «зрительный зал» на 6,5 тысячи человек.

Нам, честно говоря, впервые пришлось танцевать на такой сцене. Поэтому мы стремились ее как можно скорее обжить, привыкнуть к сценическому полу, который днем под лучами солнца нагревался, а вечером, оказавшись покрытым каплями росы и становился коварно скользким. Репетиروвали по многу часов под солнцем. Прямо со сцены в короткие минуты отдыха наши «лебеди», «принцворны», «гости» ныряли в тепловатые воды Боденского озера.

После первого спектакля газета «Фольксциммер» напечатала большую статью под заголовком: «Боденское озеро

стало лебединым озером пермского балета». В следующие дни печатались интервью, рецензии, фоточерки о наших успехах, репетициях, выяснялись сенсации... Но общий тон газетных выступлений был деловой, доброжелательный.

В день последнего спектакля случилось непредвиденное. Перед его началом погода испортилась, пошла сильный дождь. Зрители, привыкшие к жарким погодям в здешних местах, немедленно раскрыли зонтики, укрываясь шапками и одеялами и время от времени впадировали, давая нам понять, что никто расходитесь не собираются. А на сцене второе озеро из воды. Стали промокать и наши трюмные комнаты, расположенные под сценой. Из всех щелей дует. Но минут

через тридцать дождь как ледяной нечаялся, так и кончился. Мы в растерянности: что делать — танцевать по всем балетным нормам на мокром полу нельзя (у нас в театре пол метается за сутки перед спектаклем). Организаторы фестивалей смотрят на нас жалобными глазами. Их можно понять — последний шанс препрять финансовые дела, ведь до этого из-за дождей были отменены несколько спектаклей оперы «Летучий голландец» миланской труппы. Несколько уборщиц и энтузиастов вышло на сцену с огромными тряпками. Вроде стало суше. Но...

Наша ребята делали невозможное, чтобы сохранить классическую чистоту произведения и при этом не покалечиться. Насколько раз я уже жалоб

было, что согласилась на спектакль — это тогда, когда надежда Люба Кунакова или кто из артистов. Но вот последний акт. Все припрорывалось к скользкой сцене, движения стали увереннее, появилось вдохновение. Труппа танцевала с удивительной отдачей.

Это было прекрасное зрелище! Все, конец... Несколько мгновений абсолютная тишина. И... вышло аплодисментов.

Встал и аплодирует оркестр (это редкое явление на Западе).

ВСЕЗОНЕ 1974—1975 г. мне пришлось в западноберлинском театре «Немецкая опера» вместе с ассистентом и женой А. Б. Климовой ставить балет «Ромео и Джульетта» на музыку С. Прокофьева. Нас пригласил очень своеобразный театр, который является прежде всего оперным — не только по репертуару, но и по тенденциям творческого развития: в месяц здесь идет всего 3—4 балета. Правда, периодически организуются «балетные недели». Идут, в основном, одноактные балеты. Когда нас приглашали поехать, то объясняли свое желание увидеть на сцене театра «полнометражный» балет на музыку выдающегося советского композитора. Вероятно, по реценциям, отзывам специалистов руководителя театра выбрал именно пермскую редакцию.

Уровень труппы, оркестра, театральной техники очень высокий. Современное большое здание, удобное как для зрителей, так и исполнителей. Прекрасная акустика. В балетной группе нет своих ведущих

солистов: действует система европейского артистического кооператора. Допустим, сегодня артист танцует в Вене, послезавтра в Западном Берлине, потом в Париже, Милане и т. д. Исполнители высоко-профессиональные. Примечательно, что женщины получают зарплату значительно меньшую, чем мужчины.

20 числа каждого месяца в театре идет премьера. Переписку еще не было — это дело престижа и, конечно, финансового статуса. График выпуска новых спектаклей выдерживается очень точно. Например, по нашему спектаклю была выпущена маленькая книжечка, в которой было отмечено, когда, какому цеху необходимо сделать то-то и то-то, закончить к такому-то числу. Давались чертежи, фотографии, принадлежали фамилии ответственных исполнителей.

Больше двух месяцев мы работали, как говорится, с утра до вечера. С нашей труппой балет был поставлен значительно быстрее. Все основные исполнители в западноберлинском театре были представителями разных национальностей: так, Джульетта была американка болгарского происхождения, Ромео — немец, Меркуцио — латиноамериканец, Парис — югослав. Правда, все актеры знали 3—5 языков, многие владели русским. В традиционные моменты объяснялись либо жестами, либо при помощи французской терминологии, на основе которой построен весь «балетный язык».

В театре очень сильный профсоюз. Из-за него, как ни странно, возникло на раз трудностей. Например, оркестр, артисты кордебалета уходят точно по расписанию, ни одной минуты переработки. Даже при задержке на пять минут постановщик должен платить штраф.

Как-то у нас возник маленький конфликт: исполнители плохо слушали музыку, часто сбивались. Приходилось начинать вновь и вновь. Мы с Ларисой Борисовной вдовольнались, расстраивались. Задержались. Подходит ко мне представитель профсоюза:

— Герр Боярчиков, вы задержали всех уже на пять минут, вам придется платить штраф.

— Нет,— говорю,— уважайте мой профсоюзный лидер. Вы должны платить штраф.

— Как так?— удивился пошлый немец.

— За свою творческую несостоятельность, беспособность работать сегодня так, как положено. Я вас готов отпустить и даже заплатить штраф, только сначала вы выполните то, что я от вас требую, и то, что вы, как артисты балета, обязаны выполнить. Пожалуйста! Еще раз, прошу!

Артисты не могли обвинить нас с Ларисой Борисовной в том, что то или иное движение невыполнимо, ибо мы все сами показывали. После репетиции к нам вновь подошел профсоюзный лидер.

— Извините, герр Боярчиков, мы постараемся, чтобы это не повторилось.

Больше у меня таких инцидентов не было. Профсоюз, видя наше горение, старался помогать во всем.

...Наконец, мы дождались премьеры. «Ромео и Джульетта» увидели свет раньше и в Западном Берлине, общественность которого очень тепло отнеслась к спектаклю. Домой мы ехали с потоплением, с сознанием выполнения большой и ответственной задачи. Как, собственно, и из любой гастрольной поездки.

На снимках: сцена на Боденском озере; публикация в австрийской газете.